

оптимизации белорусской социально-политической и культурной синергии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вебер, М. «Объективность» социально-научного и социально-политического знания // М. Вебер. Избр. произв. - М: Наука, 1990.
2. Гуманизация духовной синергии современного белорусского общества в контексте идеологических вызовов современности / Под ред. В. И. Миськевича. – Мн: БГУИР, 2005.
3. Алмонд, Г., Пауэлл, Дж., Стром, Р., Далтон, Р. Сравнительная политология сегодня / Г. Алмонд, Г. Пауэлл, Р. Стром, Р. Далтон. – М: Аспект Пресс, 2002.

УДК 101.1:316

ПРОБЛЕМА ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО СВОЕОБРАЗИЯ В ФИЛОСОФСКИХ ВОЗЗРЕНИЯХ ЕВРАЗИЙСТВА

С.Г. Павочка

УО «Гродненский государственный аграрный университет»
г. Гродно, Республика Беларусь

В статье анализируется проблема цивилизационного своеобразия в социально-философской концепции евразийства 20-х гг. XX века. Рассматриваются способы обоснования данного своеобразия в сфере географии, истории, культуры и политики.

In the article the problem of the civilized specific in social-philosophical concept of Eurasian current is analyzed. The ways of its substantiation in sphere of geography, history, culture and politic are shown.

В возникшей в 20-е гг. XX века в среде русской эмиграции евразийской доктрине понятие цивилизации охватывало совокупность социально-экономических явлений жизни человека и общества, связанных с самосохранением и продолжением человеческого рода. В то время как под культурой евразийцы понимали прежде всего духовную культуру, относя экономические и технологические отношения к категории быта. Основным в понятии культуры они считали религиозное чувство. Исходя из этих общих положений, мыслители подходили к анализу сущности России как особой цивилизационной общности. Россия полагалась особым географическим и культурно-историческим явлением, определяющим самостоятельную ценность русской национальной стихии. Географическая спецификация России как «континента-океана» обусловила ее отличный от Запада и Востока тип жизни и культуры. Географически и культурно она не принадлежит ни Востоку, ни Западу. Вместе с тем она и не синтез Востока и Запада как самостоятельных и самодостаточных цивилизационных типов. Не

совпадая всецело ни с Востоком, ни с Западом, Россия образует особый субконтинент – Евразию, очертания которой определяются отсечением от Европы европейской части России и исключением из Азии азиатской России. Один из главных идеологов евразийства П.Н. Савицкий рассматривал Россию-Евразию географически как совокупность трех российско-евразийских низменностей – равнин и горных стран, примыкающих к ним, в качестве определенного «географического ландшафта», «месторазвития», оказывающего значительное влияние на социально-историческое развитие [1, с. 77].

Категория «месторазвитие» отражает единство социально-исторического и географического начал, существенно отличая евразийскую историософию от других попыток осмысления своеобразия исторических путей развития России. Эта смычка истории и географии неоднократно подвергалась критике как современниками евразийства, так и современными его интерпретаторами. Евразийцы, однако, не пытались осуществить окончательный отрыв «идей» от «материала», постоянно дистанцируясь от крайних натуралистических теорий. Материальное и идеальное представляют собой диалектические моменты целостного бытия. Более того, духовная сторона евразийской культуры признавалась глубоко динамичной. Именно поэтому исследование географических начал жизни народа оказывается необходимым образом сопряжено с постановкой исторических проблем. «Месторазвитие» как категория евразийской философии истории предполагает анализ социально-исторической среды в ее взаимосвязи с географической обстановкой, в которой она «обитает». Применительно к евразийским народам П.Н. Савицкий задействует понятие «единого лона», в котором живут и движутся народы Евразии, от которого они получают импульсы дальнейшего развития и с которым сливаются в единое естественноисторическое целое. Особенности географической структуры предопределили возникновение своеобразной социально-исторической среды, уникальной цивилизационной общности – России-Евразии. Сама природа евразийского мира мало благоприятствовала появлению различного рода сепаратизмов (политического, экономического, культурного), обусловив известные отличия Евразийского континента от Европы, мозаичное и дробное строение социально-исторической среды которой вело к возникновению небольших, замкнутых и обособленных миров. Объективно природа Евразии вынуждала людей к политическому, экономическому и культурному единению в гораздо большей степени, нежели в Европе. Евразийское «ощущение континента» противопоставлялось мыслителями европейскому

«ощущению моря». Евразия оказалась отдаленной от океанического обмена, а евразийская культура – локализованной. Евразийцы полагали, что «континент-океан» должен найти «центр тяжести» в самом себе и стать экономически самодостаточным. Необходимость внешней торговли евразийцами не отрицалась, она может принимать даже весьма значительные масштабы. Но основные процессы обмена продуктами должны, по их мнению, завершаться в пределах самой России-Евразии. Принципу независимого от расстояния океанического обмена был противопоставлен принцип континентальных соседств, предполагающий сложение территориально огромного единства континентальных стран в самодостаточное целое, объемлющее сплошное пространство суши. В экономических исследованиях евразийцев достаточно отчетливо проводилась идея о том, что народы Евразии, независимо от истоков своего происхождения, объективно нуждаются друг в друге. Только при взаимной поддержке они могут образовать значительную величину мирового хозяйства. В противном случае их судьба незавидна: они станут «задворками мирового хозяйствования» по причине океанической обездоленности их «месторазвития» [2, с. 398-419].

Хозяйственное единство континента имеет под собой и определенные культурно-психологические основания, обусловленные схожим строем мировоззрения населяющих евразийское «месторазвитие» народов. Психологическая близость евразийских народов мыслителями не просто декларировалась. Выявлению культурно-психологических оснований евразийского единства были посвящены значительные исследования о роли «туранского» элемента в русской культуре. «Туранцы» в концепции евразийцев – это финно-угры, тюрки, монголы, маньчжуры. Психологический тип «туранства» реконструировался мыслителями на историческом материале тюрков, сыгравших наиболее значимую роль в истории Евразии. Тюркский психологический тип анализируется посредством приведения данных лингвистики и результатов творчества в сфере духовной культуры. Евразийцы выявили здесь достаточно интересные зависимости и параллели. Н.С. Трубецкой открывает общие структуры и принципы в совершенно различных областях культурного творчества евразийских народов. основополагающими началами в тюркской психологии он считал душевную ясность и спокойствие. Мышление и восприятие действительности типичного представителя «туранской» психики укладываются в простые и симметричные схемы «подсознательной философской системы». Типичный «туранец» не вдается в тонкости и запутанные детали, он оперирует ясно воспринимаемыми образами,

группируя их в отчетливые и несложные схемы. В рамки этой схемы помещаются также поступки, поведение и быт. Сама «схема» при этом не осознается, уходя в подсознание и становясь основой всей духовной жизни. Следствием этого является отсутствие разлада между мыслью и внешней действительностью, догматом и бытом. Мысли, поступки и быт становятся единым неразрывно связанным целым, определяющим самодостаточность описываемого психологического типа. Указанные черты психики должны были вести к неподвижности и косности мировоззрения, но, как отмечает Н.С. Трубецкой, устойчивость и стройность системы не исключают дальнейшего творчества, регулируемого и направляемого, правда, подсознательными устоями, благодаря чему продукты творчества естественно и органически включаются в уже сложившуюся систему мировоззрения и быта, не нарушая ее целостности [3, с. 155].

Уникальность евразийской общности определяется географическим, экономическим, психологическим и культурным факторами. Именно «туранская» психология сообщила ей, по мнению евразийцев, культурную устойчивость и силу, содействовала культурной и исторической преемственности, создавала условия для «экономии национальных сил». В допетровской Руси этот психологический тип сыграл положительную роль, обусловив единство жизненного уклада, в котором вероисповедание и быт образовали особого типа целостность («бытовое исповедничество»). Государственная идеология, материальная культура, религия и искусство стали нераздельными частями единой системы, не оформленной теоретически и сознательно не артикулируемой. Этим единством «держалась» старая Русь. Поэтому то, что обычно трактуется как «рабление» народа перед властью, с точки зрения евразийских мыслителей, в действительности является реализацией идеи беспрекословного подчинения, как главного принципа «туранской» государственности.

Осмысливая пути исторического развития России, евразийцы исходили в определении смысла русской истории из значительной роли в ней «туранского» элемента. Н.С. Трубецкой, П.Н. Савицкий, Г.В. Вернадский предложили масштабные реконструкции исторического прошлого России и в их контексте попытались представить ее настоящее и дальнейшие исторические перспективы. Так, Г.В. Вернадский предметом исторического познания полагал «историческое действие народа». Объективно история стихийна, представляя собой проявление заложенной в народе «жизненной энергии». Она оказывает «давление» на географическую и этническую

среду. Формирование государства и освоение народом территории поставлены им в зависимость от силы давления «жизненной энергии» и встречаемого ею сопротивления. История являет собой чередование «подъемов» и «депрессий», периодическую ритмичность государствообразующего процесса. Само же государство есть воплощение «логики географии», политически оформляющее predetermined «месторазвитием» единство.

Одним из истоков формирования русского государства выступает у евразийцев татарская государственность. Вместе с тем она – не единственный источник его возникновения. Как внутреннее содержание, так и идеологическое обоснование русской государственности невозможно объяснить исключительно ссылкой на «туранский» элемент. В содержательном плане русская государственность определяется и другими составляющими, не находящими прямых аналогий в рассматриваемых евразийцами восточных моделях государства: византийским наследием и православием. Согласно евразийцам, подъем православно-религиозного чувства в эпоху монголо-татарского ига способствовал трансформации татарской государственности в русскую. Православие «облагородило» татарскую государственность, придало ей религиозно-этический характер, сделало ее своей через «обрусение и оправославление татарщины». В оценках мыслителей татарское нашествие на Русь явилось очередной школой жизни. Не отрицая факт татарского ига, евразийцы полагали, что оно способствовало политическому объединению русских земель. Россия вышла из-под ига государством, спянным внутренней духовной дисциплиной. Петровская эпоха открыла дорогу «европеизации» русской жизни. Из этой эпохи, ставшей очередным, по их мнению, игом в истории российского государства, Россия вышла в начале XX века в форме СССР; сам же большевизм был ни чем иным, как результатом двухсотлетнего ига романо-германской «европеизации». Сопоставляя исторический опыт ига татарского и ига европейского, Н.С. Трубецкой предлагал оценивать их по плодам: по содержащимся в них идеалам и их осуществлением в действительности. Сравнительный анализ указанных периодов русской истории однозначно свидетельствует, по его мысли, о том, что татарская школа привнесла с собой больше положительного, нежели опыт приобщения России к Европе.

Основным элементом русской нации евразийцы полагали славянский элемент. При этом «душа» славян стремилась к индоиранцам, а их «тело», в силу определенных географических условий, к индоевропейцам. Срединное положение славян между

Западом и Востоком обусловило как их дальнейшую дифференциацию, так и включение в различные системы социокультурных взаимосвязей. Для Р.О. Якобсона и Н.С. Трубецкого основанием локализации славянского элемента в русской культуре выступает язык. Он представлен одновременно и как единственное звено, позволяющее констатировать наличие связи России со славянством. «Славянский характер», «славянская психика», «славянский антропологический тип» и «славянская культура» – мифические и призрачные основания этой связи. Каждый из славянских народов, по убеждению евразийцев, выработывал свою культуру отдельно, а культурное влияние одних славян на других не сильнее влияния европейских народов на тех же славян. Кроме того, этнографически славяне соотносятся с различными этнографическими зонами. Закономерно, что понятие «славянство» обретает у евразийских мыслителей не этнопсихологическое, не антропологическое и не культурно-историческое значение. Оно интерпретируется лингвистически. Единственная связь между славянами, Россией и славянством – это языковая (лингвистическая) связь [3, с. 113]. Русский язык трактуется Н.С. Трубецким в качестве модернизированной, обрусевшей формы церковнославянского языка. В этом плане русский литературный язык – преемник общеславянской литературно-языковой традиции, утверждавшейся в России не по причине ее славянской принадлежности, а в силу ее церковного характера. Русская культура в данном отношении выступала как культура-преемница, наследующая традиции византийской культуры, традицию монгольской государственности и церковнославянскую литературно-языковую традицию. Эти традиции становились русскими только тогда, когда сопрягались с православием.

Культурное единство евразийской общности проявляется в геополитической и социально-этнической целостности Евразийского континента. Сама культура и смысл ее существования детерминированы ценностями созидающего ее субъекта. Культура создается свободным субъектом, выступая одновременно и его свободным самопроявлением – частью живым и становящимся, а частью отделяющимся от субъекта и застывающим в форме традиции; опять же свободно человеком приемлемой, одобряемой и видоизменяемой в соответствии с «духом», целым культуры. В культуре евразийцы различали прошлое (историческую традицию), настоящее и будущее как сферу свободополагаемых целей. При этом субъект культурного развития может быть как индивидуальным, так и соборным («симфоническим»). Ключом к пониманию евразийской концепции культуры является вводимое мыслителями понятие

личности, «держашее» всю историософию евразийства. Идея личности, по словам П.Н. Савицкого, пронизывает все аспекты евразийской конструкции. В плане религиозном она представлена идеей личного Бога, в плане историософском – это идея России-Евразии, как особого рода «симфонической личности»; в социально-экономическом плане она выражается в творческом значении личности. Понятие личности обретает расширительный смысл. Личность может быть «частночеловеческой», «многочеловеческой», «симфонической». Это понятие приложимо как к отдельному человеку, так и к целому народу и группе народов, общей культуре. Субстанциальной характеристикой личности полагалось «целесообразное творчество», немислимое вне личности. Личность, однако, не может быть представлена в форме синкретического единства, поскольку в различные моменты своей деятельности она проявляет себя в широком спектре индивидуаций. «Частночеловеческой» личности доступны исключительно разновременные индивидуации, «многочеловеческая» личность знает и индивидуации одновременные [3, с. 106]. Развитый в русской философии принцип всеединства Л.П. Карсавин дополняет принципом триединства, в котором триада выявляемых мыслителем составляющих характеризует закономерность процесса становления и развития: первоединство – саморазъединение – самовосстановление. Принцип триединства описывает динамику бытия, тогда как всеединство отражает его статику и структуру. В сконструированном Л.П. Карсавиным варианте метафизики бытия триединство относилось к истинному, божественному бытию. Этот принцип проецируется им и на эмпирический мир, соотносимый с первым как совершенство и несовершенство. Данная экстраполяция приводила к утверждению личностного характера бытия, позволяя провести отождествление бытия с бытием личности. Как отдельная личность, так и культура, во избежание деформированных путей развития национального целого, должны стремиться к самопознанию. Формирование обновленной на евразийских основаниях русской культуры и вытекающего из самопознания «культуро-личности» истинного национализма для евразийцев связано с особой ролью православия. В религии они усматривали всеобщий принцип единства и завершенности. Последовательное проведение примата религии приводит евразийцев к религиозному обоснованию бытия. Вместе с тем это не только обоснование, но и призыв к практическому его преобразению.

Церковь, культура и государство в предложенной евразийством концепции прочно взаимосвязаны. «Политическое», понимаемое как «отнесение к единству», завершает внутренне дифференцированное и

иерархизированное единство множественности. Это означает, что симфоническая «культуро-личность» индивидуализируется не только в религии, но и в государстве, обретающем надклассовый характер, но сохраняющем свою принудительную природу по отношению ко всем частным и групповым интересам и целям.

ЛИТЕРАТУРА

1. Савицкий, П.Н. Евразийство / П.Н. Савицкий // Русский узел евразийства. – М, 1997. – С. 76-94.
2. Савицкий, П.Н. Континент Евразия / П.Н. Савицкий. – М., 1997. – 464 с.
3. Трубецкой, Н.С. К проблеме русского самопознания / Н.С. Трубецкой // История. Культура. Язык / Н.С. Трубецкой. – М.: Прогресс, 1995. – С. 105-211.

УДК 316.4051.2

ТРИАЛЕКТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ МИРОЗДАНИЯ КАК ВАЖНЕЙШИЙ ПРИОРИТЕТ ФИЛОСОФСКОГО ЗНАНИЯ XXI СТОЛЕТИЯ

В.Л. Петрушак

УО «Гродненский государственный университет имени Я. Купалы»
г. Гродно, Республика Беларусь

Статья посвящена проблеме философского анализа триединства бытия как условия его существования и развития. В статье рассмотрена гипотеза о механизме влияния триединства формы, содержания и структуры на формирование качеств относительной стабильности и порядка любых систем мироздания.

The article is devoted to a problem of the philosophical analysis three unities of life of the world as conditions of his existence and development. In article the hypothesis about the mechanism of influence three unities of the form of the contents and structure on formation of qualities of relative stability and about any systems three unities is considered.

Современный ценностный кризис техногенной цивилизации, выступающий как проявление деградации антропологических, экологических и социокультурных основ человеческого существования, обуславливает актуальность формирования не только нового рационального мировоззрения, необходимого для функционирования нового постиндустриального информационного общества, но и разработки новых парадигмальных основ научного познания в XXI веке. Между тем, на всем протяжении более чем 15 веков истории философской мысли в постижении *начал бытия* в основном соперничают друг с другом две философские системы: материалистическая и идеалистическая. Их спор о первичности материи или сознания был инициирован системой аристотелевский формальной логики и, в первую очередь, *законом исключенного*